

РЕЦЕНЗИИ

**Междущарствие и петербургское восстание декабристов
в зеркале постсоветской историографии***П. В. Ильин, В. А. Шкерин*

Для цитирования: *Ильин П. В., Шкерин В. А.* Междущарствие и петербургское восстание декабристов в зеркале постсоветской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 655–671. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.220>

Публикуемый рецензионный обзор посвящен научным и историко-публицистическим работам, вышедшим из печати в поздний советский и постсоветский периоды и представившим оригинальные версии событий междущарствия 1825 г. и вооруженного выступления декабристов в Санкт-Петербурге. Устранение былых идеологических рамок, выход за пределы парадигмы советского декабриствоведения способствовали формированию принципиально новой историографической ситуации — одновременно плодотворной и противоречивой. С одной стороны, раскрепощение научного поиска позволило формулировать невозможные ранее концепции и гипотезы. С другой стороны, это же обстоятельство способствовало появлению конспирологических квази- или

Павел Владимирович Ильин — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; pavilyn1970@gmail.com

Pavel V. Ilyin — PhD (History), St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation; pavilyn1970@gmail.com

Владимир Анатольевич Шкерин — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация, 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; shkerin_uit@mail.ru

Vladimir A. Shkerin — Dr. Sci. (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 16, ul. S. Kovalevskoi, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; shkerin_uit@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Новые трактовки восстания декабристов в Петербурге 14 декабря 1825 года: между наукой и конспирологией», № 19-19-50135/19.

The reported study was funded by RFBR, project “New interpretations of the Decembrist uprising in St. Petersburg on December 14, 1825: between Science and Conspiracy theories”, number 19-19-50135/19.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

околонаучных версий, не опирающихся на необходимую документальную базу, зато нередко облеченных в привлекательную для широкого круга читателей публицистическую форму. В результате возникло небывалое многообразие концептуальных моделей разного уровня и качества, претендующих на объяснение событий 1825 г. Настоящий обзор предлагает опыт осмысления существующего спектра концепций, версий и гипотез, сформулированных как профессиональными, так и непрофессиональными историками. При этом качество трактовок не обязательно обусловлено наличием у их авторов профильных дипломов и ученых степеней. Внимание в данном обзоре сосредоточено на ключевых для современного декабристоведения дискуссионных вопросах: о круге претендентов на престол (ограничивался ли он цесаревичем Константином и великим князем Николаем или включал также вдовствующую императрицу Марию Федоровну); о позиции и роли столичного генерал-губернатора графа М. А. Милорадовича и существовании генеральской оппозиции или заговора генералов — сторонников передачи престола Константину; о статусе и роли тайного общества декабристов и инициированного им офицерского заговора в Гвардейском корпусе (была ли их конспиративная деятельность самостоятельной, самодостаточной или зависела от неких внешних сил); об иных влиятельных политических акторах (Российско-Американской компании, «немецкой партии» и пр.), предположительно стоявших за сопротивлением воцарению Николая I.

Ключевые слова: тайные общества, междоусобие 1825 г., восстание декабристов, современная историография, конспирология.

The Interregnum and the Saint Petersburg Revolt of the Decembrists as Reflected in the Post-Soviet Historiography

P. V. Ilyin, V. A. Shkerin

For citation: Ilyin P. V., Shkerin V. A. The Interregnum and the Saint Petersburg Revolt of the Decembrists as Reflected in the Post-Soviet Historiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 2, pp. 655–671. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.220> (In Russian)

The review is devoted to scientific and historical-journalistic works of the late Soviet and post-Soviet periods which formulate the original versions of the events of the Interregnum of 1825 and the revolt of the Decembrists. The elimination of the ideological framework of Soviet studies of the Decembrists emancipated scholarly research and made it possible to put forward previously impossible concepts and hypotheses. On the other hand, the same circumstance contributed to the emergence of conspiracy theories and other quasi-scientific or not at all scientific versions that are not based on the necessary sources, but appeal to a wide range of readers. As a result, modern literature has developed a contradictory variety of conceptual models of different levels and quality claiming to explain the events of 1825. This review offers an experience of understanding the existing range of concepts, versions and hypotheses in post-soviet historiography. It focuses on the main discussion topics: about the circle of contenders to the throne (whether it was limited to Grand Dukes or included the Dowager Empress Maria Feodorovna); about the position and role of the Governor-General of the capital Miloradovich and the existence of a general opposition or a conspiracy of generals who supported the transfer of the throne to Grand Duke Constantine; about the role of the secret society of the Decembrists and the officer conspiracy initiated by him in the Guards Corps; about other influential political actors (the Russian–American Company, the “German party”, etc.) presumably opposing the accession of Grand Duke Nicholas.

Keywords: secret societies, interregnum of 1825, Decembrist revolt, modern historiography, conspiracy theories.

Преодолев кризис 1990-х гг.¹, декабристоведение вышло на иной качественный уровень, о чем помимо избавления от былых идеологических рамок свидетельствуют презентации новых научных концепций, гипотез и точек зрения, обновление исследовательских методов и языка описания, расширение источниковой базы и углубление ее анализа. Ситуация концептуального разнообразия и дискусионности благотворна для научного познания, однако необходимо отличать научные построения от произвольных, не подкрепленных источниками конструкций.

Задача настоящего обзора — представить спектр авторских концепций и трактовок вооруженного выступления декабристов в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г., а также событий предшествующего междуцарствия. При этом речь пойдет о нарративах, созданных на исходе советской эпохи и в постсоветское время как профессиональными, так и непрофессиональными историками.

1985 г. стал для декабристоведения не только очередным юбилейным, но и пограничным между двумя этапами его развития. Свообразными вехами этого разграничения послужили две книги, написанные, казалось бы, на одну тему. Переиздание монографии академика М. В. Нечкиной «День 14 декабря 1825 года» (прежнее название — «Восстание 14 декабря 1825 года») появилось в год кончины признанного лидера советского декабристоведения. В монографии события декабря 1825 г. традиционно представлены через противостояние двух сил — декабристов и самодержавия, при этом особая позиция генералитета и, в частности, столичного генерал-губернатора графа М. А. Милорадовича никак не обозначена². Одновременно увидела свет книга Я. А. Гордина «События и люди 14 декабря», на страницах которой представлена детализированная хроника событий ноября — декабря 1825 г., показана идейная неоднородность декабристского лагеря, а сами события 14 декабря помещены в контекст политической борьбы в период междуцарствия³. В позднейших изданиях книга Я. А. Гордина получила название «Мятеж реформаторов»⁴, зафиксировав тем самым принципиальный отказ от однозначной трактовки декабристов как «дворянских революционеров», основополагающей для советской историографии.

Вопрос о существовании «генеральской оппозиции» («генеральской группировки», «заговора генералитета») стал одним из ключевых, вокруг которого формировалось дискуссионное поле нового декабристоведения. Справедливости ради отметим, что особую роль Милорадовича в период междуцарствия (не считая эту роль проявлением «заговора») еще в 1920-х гг. отмечал А. Е. Пресняков: «Но Милорадович возражал решительно. <...> А за мнением Милорадовича стояла вполне реальная сила: настроение гвардии. <...> Его роль в эти дни представлялась решающей и оставила горькую память у заинтересованных лиц»⁵. По мнению историографов Г. Д. Казьмирчука и Ю. В. Латина, на новом этапе декабристоведения разработчиками версии о «заговоре гвардейского генералитета, во главе которого

¹ Боква В. М. «Больной скорее жив, чем мертв» (Заметки об отечественном декабристоведении 1990-х годов) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. IV. С. 497–561.

² Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. 3-е изд. М., 1985.

³ Гордин Я. А. События и люди 14 декабря: Хроника. М., 1985.

⁴ Гордин Я. А.: 1) Мятеж реформаторов, 14 декабря 1825 года. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1989; 2) Мятеж реформаторов. СПб., 2006. Кн. 1–2; 3) Декабристы. Мятеж реформаторов. СПб., 2021.

⁵ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 65–66.

стоял петербургский генерал-губернатор М. Милорадович», выступили Я. А. Гордин и С. В. Мироненко⁶. В изданной в 1990 г. книге С. В. Мироненко междуцарствие рассматривалось как «столкновение различных группировок в борьбе за власть» — «тех, кто пытался сохранить законность хотя бы в юридических нормах абсолютной монархии, и претендента на престол, выдвинутого его предшественником с полным нарушением законности»⁷. Я. А. Гордин объясняет позицию петербургского генерал-губернатора приверженностью не законам, но собственным интересам: «Милорадович, лидер генеральской группировки, желающей Константина, совершил “тихий переворот” 27 ноября. Он не допустил Николая на престол (при получении известия о смерти Александра I. — *Авт.*), тем самым вызвав хорошо понятную ненависть великого князя. <...> Но Константин своим отказом губил... Милорадовича, которому уже не было пути назад. Генерал-губернатору сочувствовало достаточно высокопоставленных военных, которые тоже на многое были готовы, чтобы не допустить Николая на престол»⁸. В числе таковых автор назвал командующего Гвардейским корпусом А. Л. Воинова, командующего гвардейской пехотой К. И. Бистрома и дежурного генерала Главного штаба А. Н. Потапова. Концепция Я. А. Гордина базируется на документальных свидетельствах (мемуарах В. Р. Зотова, А. Н. Оленина, С. П. Трубецкого) о действиях Милорадовича накануне и в день присяги 27 ноября, а также на письмах генерала Потапова, настойчиво звавшего Константина из Варшавы в Петербург после принесения ему присяги⁹.

С осторожностью подходит Я. А. Гордин к вопросу о связях «генеральской оппозиции» с заговорщиками-декабристами: «Независимое от решений императорской фамилии поведение генералитета было... чрезвычайно важным компонентом атмосферы, в которой готовилось восстание. Вожди тайного общества знали о настроениях генералитета. И их это ободряло. <...> Более того, до определенного момента интересы взбунтовавшегося генералитета и членов тайного общества совпадали. Вопрос заключался в том, кто кого сможет использовать в своих целях <...> И тут возникает вопрос: что знал Милорадович? <...> Был ли он как-то связан с декабристским центром? Близкий к нему человек, полковник Глинка... во время междуцарствия не раз бывал у Рылеева и знал о замыслах тайного общества. <...> Был ли Глинка неким связующим звеном между декабристами и Милорадовичем? Был ли неким источником сведений для графа полубившийся ему Якубович, которого он поощрял в нежелании присягать Николаю?»¹⁰. Через сравнение двух оппозиций — «генеральской» и «декабристской» — решается и вопрос о гибели Милорадовича: «Он сам спровоцировал междуцарствие, а тем самым сделал возможным выступление гвардии. Но те ограниченные цели, которые он преследовал

⁶ Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В. Рух декабристів: дискусійні питання та спроба їх розв'язання (до 180-річчя повстання декабристів) // Український історичний журнал. 2005. № 6. С. 56.

⁷ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России в начале XIX в. М., 1990. С. 92, 93. См. также: Мироненко С. В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. С. 381. — Сходным образом объясняет позицию столичного генерал-губернатора Т. В. Андреева: граф Милорадович следовал своим представлениям о соблюдении законов, поскольку иное развитие ситуации было чревато непредсказуемыми последствиями, включая опасность гвардейского переворота (Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 555).

⁸ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов: в 2 кн. Кн. 1. СПб., 2006. С. 252.

⁹ Там же. С. 170–172.

¹⁰ Там же. С. 170, 173, 252.

в своей политической игре, не могли устроить дворянский авангард. Милорадович... оказался на дороге куда более целеустремленной и решительной силы, чем его “генеральская оппозиция”. И погиб»¹¹. Упоминает Я. А. Гордин и сторонников восшествия на престол императрицы-матери — герцога Александра Вюртембергского и министра финансов Е. Ф. Канкрин: «Воцарение пожилой, недалекой Марии Федоровны давало простор для замыслов и честолюбивых устремлений...»¹² Однако, не видя за вдовой Павла I реальной силы, подробно на этом сюжете автор не останавливается.

Судя по приведенным цитатам, Я. А. Гордин и С. В. Мироненко предпочитают писать не о генеральском «заговоре», но о «группировке» или «оппозиции». Разница существенна. Как ни банально это звучит, но термин «заговор» акцентирует внимание на факте сговора, на согласованности действий против кого-то или чего-то. Перспектива воцарения Николая могла не нравиться генералам, они могли обсуждать это между собой, предпринимать шаги для убеждения Константина принять власть, но доказательств организованного заговора нет. Важность изучения генеральской оппозиции отмечал в рецензии на первое издание книги Я. А. Гордина Н. Я. Эйдельман: «Сосредоточившись на действиях самих декабристов, многие специалисты должным образом не анализировали (в лучшем случае констатировали) сложную, противоречивую расстановку сил вокруг трона. Автор между тем показывает влияние, оказанное на многие события междоусобицы “генеральской”, проконстантиновской оппозицией...»¹³

Не логикой развития тайных обществ, а обширным и разветвленным «военным заговором» объясняли восстание декабристов О. И. Киянская и А. Г. Готовцева: «Нити заговора вели к высшим государственным сановникам и руководителям крупных воинских соединений. Однако Николай не хотел распутывать эти нити, дабы не демонстрировать всей Европе, что армия и государственные учреждения плохо управляемы и заражены революционным духом. Следствие свело заговор к дружеским беседам о формах правления, а вооруженные выступления — к непродуманным действиям молодых офицеров, преданных своим руководителям»¹⁴. Цитата снабжена ссылками на собственные работы, раскрывающие, как в период следствия формировалась «схема Пестеля — Блудова» («концепция возникновения и развития тайных обществ»), положенная в основу «Донесения Следственной комиссии» и позднее определившая базовые представления историков о движении декабристов¹⁵. Необходимость критического анализа материалов следствия сомнений не вызывает, однако наличие вертикальных «нитей заговора», связывавших декабристов с высшим генералитетом и правительственными лицами, по-прежнему нуждается в доказательствах. Утверждая, что «заговор этот был сконцентрирован вокруг влиятельных армейских генералов», О. И. Киянская называла фамилии ге-

¹¹ Там же. Кн. 2. С. 56.

¹² Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Кн. 1. С. 197.

¹³ Эйдельман Н. Я. Новый взгляд на события 14 декабря 1825 года // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 146.

¹⁴ Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб., 2008. С. 141; Готовцева А. Г., Киянская О. И. Рылеев. М., 2013. С. 285.

¹⁵ Киянская О. И. Пестель на следствии // Россия XXI. 2007. № 1. С. 162–196; Готовцева А. Г., Киянская О. И. Движение декабристов в государственной пропаганде 1825–1826 гг. // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 447–493.

нералов, служивших на юге (П. Х. Витгенштейн, П. Д. Киселёв, А. Г. Щербатов)¹⁶, но не в Петербурге.

Впрочем, в интервью 2015 г. (большинство цитированных выше работ издано ранее) О. И. Киянская высказалась о «генеральском заговоре» в Петербурге более осторожно: «Для начала надо определиться, что мы считаем “генеральским заговором”. Историю про то, что декабристов курировал Милорадович, я не считаю достоверной. Я пыталась найти документы, которые бы прямо свидетельствовали об этом, но не нашла. <...> Федор Глинка не готовил восстание на Сенатской площади. Он был членом ранних обществ, в поздних тайных обществах он не участвовал. Поэтому роль связного между, условно говоря, Сенатской площадью и Милорадовичем — это явно не его роль. Другое дело, что в ситуации междуцарствия у высшего генералитета были свои планы, свои идеи по поводу занятия престола Константином. <...> Естественно, генералы пытались воспрепятствовать воцарению Николая, интриговали за Константина, но дальше интриг это не шло. И никакой смычки с тайными обществами у них не было»¹⁷.

Также А. Г. Готовцевой и О. И. Киянской был поставлен вопрос о причастности к заговору руководства Российско-Американской компании (РАК) или, как минимум, одного из ее директоров — И. В. Прокофьева. Выдвинута гипотеза о плане послереволюционной ссылки монаршей семьи в Калифорнию — в принадлежавший РАК Форт-Росс. Утверждается, что арестованный «Рылеев чувствовал свою ответственность за вовлечение Прокофьева в заговор». Последний назван человеком, «водившим тесную дружбу с заговорщиками, часто присутствовавшим на их собраниях»¹⁸. Личные и служебные отношения Прокофьева с рядом декабристских лидеров (К. Ф. Рылеевым, В. И. Штейнгейлем и пр.) несомненны, но насколько глубоко он был «вовлечен» в их тайные планы и осведомлен в них? В пространной рецензии 2014 г. А. Б. Шешин подверг критике утверждению об участии в заговоре руководства РАК, а также версию о планируемом декабристами заточении монаршей фамилии в Форт-Росс. Рецензент указал на недостаток подтверждающих документов или их произвольную трактовку, на сложность доставки пленников на американский континент и охраны в случае, если некое европейское правительство снарядит военную экспедицию для их освобождения. Ссылаясь на следственные показания П. И. Пестеля, Н. А. Бестужева и М. П. Бестужева-Рюмина, рецензент выдвинул встречную гипотезу о том, что императорскую семью предполагалось доставить «в первый заграничный порт», «куда пожелают», то есть, вероятнее всего, в германские земли¹⁹.

¹⁶ Киянская О. И.: 1) Пестель на следствии. С. 178–179; 2) Движение декабристов. Взгляд из XXI века // Декабристы в Україні: дослідження й матеріали. Т. 6. Київ, 2009. С. 79–80; 3) Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 48–49.

¹⁷ Киянская О. И. «XIX в. я знаю, как свою квартиру» // Историческая экспертиза. 2015. № 4 (5). С. 213.

¹⁸ Готовцева А. Г. Российско-американская компания в планах декабристов. К биографии К. Ф. Рылеева // Россия XXI. 2009. № 2. С. 192; Готовцева А. Г., Киянская О. И.: 1) Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб., 2010. С. 180–181; 2) Рылеев. С. 265.

¹⁹ Шешин А. Б. Выполнил ли К. Ф. Рылеев поручения князя А. Н. Голицына и намеревался ли вывезти императорскую фамилию в Форт-Росс в Калифорнию? (по поводу книги А. Г. Готовцевой

Осторожность в определениях у одних исследователей и недосказанность гипотез у других, очевидно, объясняются нехваткой фактов, источников, подтверждающих существование заговора генералов или иных влиятельных лиц. Препятствие это, однако, смущает не всех авторов.

Математик В. А. Брюханов, позиционирующий себя ныне как писатель и историк, представляет собственную версию «заговора графа Милорадовича»²⁰. При расследовании «Семёновской истории» Милорадович якобы обнаружил тайное общество, членом которого оказался Ф. Н. Глинка, заведовавший «особенною канцелярией» генерал-губернатора. Граф решил «взять тайное общество под защиту и спрятать его от публичного разоблачения». Глинка стал «адъютантом по тайному обществу», а лидеры последнего — Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, Е. П. Оболенский и К. Ф. Рылеев — марионетками генерал-губернатора. Далее граф завлек в заговор генерал-адъютанта И. И. Дибича и еще ряд влиятельных лиц. Так, «Аракчееву предлагалась альтернатива: вступление в заговор... или немедленная смерть». Аракчеев и предал сообщников, устроив встречу Александра I с доносителем И. В. Шервудом. Царь бежал из столицы в Таганрог, где его настиг некий подосланный Дибичем «специалист по отравлениям». Константин короны не принял, и Милорадович призвал на площадь своих «обозников» — декабристов. Боясь бунтовать, Оболенский и Рылеев подослали к Николаю Я. И. Ростовцева с письменным де-факто ультиматумом и устным доносом на графа. Но Николай не посмел арестовать столичного генерал-губернатора, о чем незадачливые интриганы узнали от Глинки. Мятеж оказался неизбежным, лидеры Северного общества поручили П. Г. Каховскому убить Милорадовича. При этом Трубецкой и Рылеев «навалили всю ответственность на Оболенского, более остальных, очевидно, виноватого в миссии Ростовцева. Вот его-то фактически и обязали взять на себя всю тяжесть непосредственного руководства демонстрацией, заgrimированной под восстание».

Милорадович, по версии В. А. Брюханова, планировал «убить Александра, вынудить Николая отречься от престола, захватить Николая и Михаила фактически в заложники, заманить Константина в Петербург якобы для вручения отнятого у него трона, а затем диктовать всему собранному семейству то, что Милорадович сочтет нужным»²¹. Что именно диктатор «сочтет нужным» делать с полученной властью и что — с августейшими заложниками, не разъяснено.

Если бы В. А. Брюханов сочинял исторический детектив, его построения еще можно было бы принять. Хотя и в этом случае логика хромает. «Попробуем очертить состав участников “заговора Милорадовича”, — пишут Г. Д. Казьмирчук и Ю. В. Латиниш. — На первый взгляд, его размах поражает: высший генералитет в лице генералов А. Воинова, А. Потапова, К. Бистрома, председатель Государственного совета П. Лопухин и его заместитель А. Куракин, М. Сперанский, Н. Мордвинов, П. Киселев, М. Воронцов и даже А. Аракчеев. <...> Однако при наличии столь широкого заговора у Николая Павловича не было ни одного шанса занять престол»²². Дей-

и О. И. Киянской «Правитель дел») // Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб., 2014. С. 445–457.

²⁰ Брюханов В. А.: 1) Заговор графа Милорадовича. М., 2004; 2) Мифы и правда о восстании декабристов. М., 2005; 3) Мифы о восстании декабристов. М., 2019.

²¹ Брюханов В. А.: 1) Заговор... С. 325; 2) Мифы и правда... С. 580.

²² Казьмирчук Г. Д., Латиниш Ю. В. Рух декабристів... С. 58.

ствительно, зачем при таком мощном авангарде Милорадовичу еще и «обозники»? Дворцовые перевороты в России совершались и меньшими силами.

Претендуя на разоблачение укрепившихся в трудах историков «мифов о восстании декабристов», В. А. Брюханов выстраивает произвольную конструкцию без минимальной опоры на источники. Документы же для ее обоснования он предлагает искать неким абстрактным историком: «Когда именно и почему Дибич стал участником заговора графа Милорадовича? Трудно сказать, хотя профессиональные историки, взявшись за такую задачу, смогут, вероятно, отыскать ответы, порывшись в архивах, — до сих пор просто никто такими вопросами не задавался»²³. Попутно он разоблачает «страсть советских, а ныне российских историков к сочинительству» (и следом задается очередным вопросом: «...имел ли и могучий дуэт руководителей заговора Милорадовича и Дибича также гомосексуальную основу?»)²⁴.

Подводя итог обзору трактовок проконстантиновской «генеральской оппозиции», отметим, что противодействие воцарению Николая подтверждается документальными источниками. Было ли это противодействие личной инициативой Милорадовича или выражало согласованную позицию части генералитета? Связаны ли были эти генералы с заговорщиками из тайного общества? Все это остается в области предположений и гипотез. Исследователями выдвинуты более или менее обоснованные версии, но пример с текстами В. А. Брюханова напоминает о необходимости придерживаться строго установленных данных, избегая построения произвольных конструкций.

Вероятно, здесь уместно напомнить, что В. А. Брюханов — не историк, а писатель и к тому же без гуманитарного образования. Однако при всем уважении к базису профильной подготовки не будем делать критерий его наличия или отсутствия главным в оценке авторских концепций. В декабристоведении уже имеется пример длительной и все более нелицеприятной дискуссии двух петербургских авторов, в ходе которой М. М. Сафонов называл Я. А. Гордина писателем и непрофессиональным историком, Гордин же, наоборот, сначала подчеркивал, что оппонент — профессиональный историк, а после аттестовал его «бывшим историком»²⁵. В центре этой дискуссии находится другой ключевой для современного декабристоведения вопрос — о круге претендентов на российский престол в ноябре — декабре 1825 г. и о том, в чьих интересах была проведена присяга 27 ноября.

²³ Брюханов В. А.: 1) Заговор... С. 321; 2) Мифы и правда... С. 573.

²⁴ Брюханов В. А. Заговор... С. 351, 353.

²⁵ Сафонов М. М. 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. IV. СПб.; Кишинев, 2001. С. 62–89; Гордин Я. А. Парадоксы профессионализма // Там же. Вып. VI. СПб., 2004. С. 425–436; Сафонов М. М. 14 декабря. «Путешествие дилетанта» (План восстания 14 декабря 1825 г. в советской историографии) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 275–294; Гордин Я. А. Бывший историк в поисках истины // Звезда. 2016. № 1. С. 195–219. — Ранее В. А. Федоров с позиций советской историографии также критиковал Я. А. Гордина как писателя, утверждая, что его книга содержит «ряд спорных положений». К таковым были отнесены: наличие умеренной оппозиции внутри тайного общества, идейная неоднородность декабристского лагеря, существование проконстантиновской генеральской оппозиции и вопрос о связи Милорадовича с декабристами (Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 29). Наиболее категорично критическое отношение советских декабристоведов к выводам Гордина выразила Н. А. Рабкина (Рабкина Н. А. К современному прочтению декабризма. Проблемы и тенденции // История СССР. 1988. № 3. С. 81–83).

Идею самостоятельной проконстантиновской «генеральской оппозиции» М. М. Сафонов отвергает: «Что же касается петербургского переворота генералитета и “диктатуры” Милорадовича, то они, очевидно, существовали лишь в воображении Я. А. Гордина»²⁶. За Милорадовичем же якобы стояла вдовствующая императрица Мария Федоровна (характер их отношений «следует прояснить историкам», — пишет М. М. Сафонов), у которой после смерти Павла I «мысль взойти на престол осталась навсегда»²⁷. Поддерживали императрицу «финансовые, вельмож-но-бюрократические и купеческие круги, объединенные вокруг Российско-американской компании, которая стремилась направить русскую экспедицию в Америку, в Калифорнию, на Гаити, Сандвичевы острова. Для осуществления грандиозных планов компания нуждалась в “своем” монархе и желала видеть на престоле слабую женщину»²⁸. Опорой Марии Федоровны названа также «немецкая партия», частично совпадавшая с партией РАК (брат императрицы Александр Вюртембергский, Е. Ф. Канкрин, К. И. Бистром и пр.)²⁹. В том же лагере нашлось место и «генеральской оппозиции», даже усилившейся под пером историка фигурами А. Х. Бенкендорфа и А. Ф. Орлова. Основаниями для отнесения двух последних к числу тайных недоброжелателей Николая в день 14 декабря (в дальнейшем оба были близки монарху) послужили медлительность выхода Конной гвардии на Сенатскую площадь и свидетельства о встречах генералов со столичным генерал-губернатором³⁰.

Мария Федоровна «не имела законных прав на престол» и потому, по версии М. М. Сафонова, «была заинтересована в запутанной династической ситуации, когда претендуют все, но никто не имеет бесспорных прав»³¹. И первой мишенью для ее сторонников послужил цесаревич: «Никто не обратил внимания и на то, что поспешная присяга Константину была актом, в действительности направленным против цесаревича»³². Проведенная без соблюдения должного порядка, присяга должна была повлечь за собой отречение Константина, тем более что имелся его письменный отказ от занятия трона. Способствовать этому отречению был призван и «вид отчеканенной монеты с именем, титулом и изображением Константина». Затем Милорадович с помощью декабристов планировал напугать Николая: «...если бы Николай, встретив сопротивление, отказался от своих прав на престол, по закону... трон должен был бы перейти к его сыну Александру. Но мальчику было всего семь лет. Поэтому при нем должен был быть назначен опекун или ре-

²⁶ Сафонов М. М. 14 декабря 1825 года как кульминация... С. 65.

²⁷ Возможно, здесь сказалось влияние известной книги Н. Я. Эйдельмана «Грань веков», раскрывшей механизм дворцового переворота 1801 г. Однако при обращении к тексту этой работы находим, что овдовевшая Мария Федоровна отказывалась признавать императором своего сына Александра (тем самым претендуя на возобновление «женского правления» в России) лишь «с часу до пяти» роковой ночи с 11 на 12 марта (Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1986. С. 335–336).

²⁸ Сафонов М. М. Константиновский рубль? 14 декабря 1825 года глазами нумизмата // Родина. 1999. № 4. С. 56–57.

²⁹ Сафонов М. М. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 529–541.

³⁰ Сафонов М. М. М. А. Милорадович, А. Х. Бенкендорф, А. Ф. Орлов и Конногвардейский полк 14 декабря 1825 г. // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 235–271.

³¹ Сафонов М. М. Демарш адъютанта. Предал декабристов подпоручик Ростовцев или помог им? // Родина. 2001. № 7. С. 51.

³² Сафонов М. М. 14 декабря 1825 года как кульминация... С. 81.

гент до совершеннолетия. <...> 67-летняя Мария Федоровна имела все шансы стать регентом и управлять Россией до того, как Александру исполнится шестнадцать лет. Ситуация чем-то напоминала 1762 г., когда возникли планы сделать Екатерину Алексеевну регентом при семилетнем Павле Петровиче, в итоге же она стала Екатериной II»³³.

Концепция М. М. Сафонова нашла сторонников среди как профессиональных, так и непрофессиональных историков³⁴. Мы придерживаемся противоположного, неоднократно высказанного в литературе мнения, согласно которому версия «заговора вдовствующей императрицы» не подкреплена надежными, не вызывающими сомнений и оговорок источниками, как и версия «заговора графа Милорадовича»³⁵. Достоверных данных о претензиях Марии Федоровны на трон в 1825 г. не найдено (имеется единственное мемуарное свидетельство герцога Евгения Вюртембергского о его беседе с Е. Ф. Канкриным, доказывающее лишь наличие сторонников ее воцарения в придворных и правительственных кругах³⁶). По замечанию Я. А. Гордина, его оппонент, профессиональный историк, компенсирует отсутствие источников почти художественным вымыслом: «...фантастичность этого построения напоминает описание придворных интриг в романах Валентина Пикуля»³⁷.

Оценивая выдвинутую в публикациях М. М. Сафонова версию событий, следует отметить, что автор, несмотря на ожесточенный спор с Я. А. Гординым, во многом идет по его следам. Стремясь произвести полный пересмотр концепции своего предшественника, историк не представляет новых документальных данных, подтверждающих предложенную им трактовку. Вместе с тем статьи М. М. Сафонова содержат ряд интересных наблюдений: о причинах радикализации декабристского заговора, о содержании переговоров А. И. Якубовича с Николаем I в день 14 декабря и пр.

Пальму первенства среди профессиональных историков — авторов конспирологических трактовок событий декабря 1825 г., вероятно, следует присудить Т. С. Мамсик, утверждающей, что ее «методика исследования ориентирована на приемы интуитивно-логических реконструкций и постановки их в контекст уже известных заключений. В данном случае имеется в виду вывод о том, что “присшествие” 1825 г. замышлялось решающим актом международного проекта, цель которого заключалась в том, чтобы, обессилив Россию, сделать ее послушным орудием британских интересов. Решение этой задачи оказалось заблокировано пред-

³³ Сафонов М. М.: 1) «Якуб идет»: А. И. Якубович в день 14 декабря 1825 года // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VI. СПб., 2004. С. 247; 2) Гибель русского Баярда // Родина. 2011. № 7. С. 103.

³⁴ Бушков А. Россия, которой не было. Гвардейское столетие. М., 2017. С. 196–198; Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 228–231.

³⁵ Бартошевич В. В. Приключения М. М. Сафонова с константиновским рублем продолжают // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 480–484; Казьмирчук Г. Д., Латин Ю. В.: 1) Рух декабристов... С. 56; 2) Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2013. № 2 (5). С. 80–81; Киянская О. И. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М., 2005. С. 357; Севастьянов Ф. Л. Я. И. Ростовцев и великий князь Николай Павлович 12 декабря 1825 г. // Отечественная история. 2002. № 6. С. 176–177, 180–181; Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008. С. 90–91.

³⁶ Сафонов М. М. Междоусобица // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 175–177.

³⁷ Гордин Я. А. Парадоксы... С. 431.

ставителями тайной организации (условно — Ордена русских рыцарей)...»³⁸ По мнению этого автора, «орден существовал со времени Петра I, однако обращение его из института, служившего атрибутом для украшения сценария монархической власти, в орган, востребованный для ее “спасения”, был продиктован конкретными политическими обстоятельствами. Не случайно первая “революционная” организация, тесно связанная с орденом, именовалась “Союз спасения”...»³⁹ Обращение из «атрибута» в «орган» произошло из-за недовольства «аристократической дворянской оппозиции в лице генералитета» поведением Александра I. Поскольку у августейшей четы, Александра и Елизаветы, не было наследника, тайно родить для них такого была призвана великокняжеская чета Николая и Александры. «В случае “ухода” царя (а о таком желании его ближайшее окружение слышало неоднократно) в роли регентши при малолетнем царевиче осталась бы порфиноносная вдова — Елизавета II»⁴⁰. Но Александр всерьез увлекся Александрой, и от их романа родился ребенок, официально названный Александром Николаевичем.

Логике дальнейшую повествования понять сложно. Аристократия стала готовить «московский заговор», дабы устранить Александра и отдать власть Елизавете. «Однако правительственная агентура поспешила предложить к “услугам” заговорщиков свой “кинжал” и сделала прямое политическое действие в 1817 г. невозможным, знаком чего стал “ропуск” “Союза спасения”. На месте его была создана дружная полулегальная организация — “Союз благоденствия”. С нашей точки зрения, под ее прикрытием в глубокой конспирации продолжал действовать Орден рыцарей, готовя отложенный до 1826 г. переворот. Правительственная агентура предотвратила его, подготовив “происшествие” в конце 1825 г.»⁴¹. В результате этой «многоактовой провокации» (чьей?) в мятежном каре сошлись враждебные друг другу силы: «Одновременно с “рыцарями” на площади восстания действовали люди, служившие посредниками между тайными режиссерами переворота и жертвами провокации, массой офицеров и солдат, воодушевляемых ложными лозунгами»⁴². Таким «посредником» был, например, И. И. Пущин — агент «какого-то отдела тайной разведки, существовавшей еще при Александре I», позже переведенный «в состав III Отделения жандармского корпуса»⁴³. В рядах «рыцарей» состояли С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер и те, чьи имена «пока не известны». Оболенский «принял на себя командование войском и тем предотвратил... хаос на площади», Кюхельбекер сорвал покушение на великого князя Михаила. «Они спасли империю от гражданской войны и вторжения европейских держав, которые обязаны были это сделать как члены Священного союза, созданного Александром I»⁴⁴.

³⁸ Мамсик Т. С. Новое прочтение известных текстов: декабрист И. И. Пущин и другие // Человек — текст — эпоха. Вып. 4. Томск, 2011. С. 39.

³⁹ Мамсик Т. С. Поэмы «Гавририада» и «Граф Нулин» А. С. Пушкина: тексты-ключи к «происшествию» 1825 г. // Человек — текст — эпоха. Вып. 2. Томск, 2006. С. 173.

⁴⁰ Там же. С. 178.

⁴¹ Там же. С. 181.

⁴² Мамсик Т. С. Новое прочтение... С. 40.

⁴³ Мамсик Т. С.: 1) К переосмыслению исторической роли декабристов: И. И. Пущин и другие... // Проблемы історії України XIX — початку XX ст. Вип. XIV. Київ, 2007. С. 21–40; 2) Новое прочтение...

⁴⁴ Мамсик Т. С. Новое прочтение... С. 39, 45–46.

Декабристоведческие опусы Т.С.Мамсик уже подвергались справедливой и жесткой критике⁴⁵. И можно было бы оставить эти странные тексты без внимания, если бы не два важных обстоятельства: их автор — доктор исторических наук, и опубликованы они в академических и университетских изданиях.

Исходной посылкой всех конспирологических версий в декабристоведении служит неверие в способность «сотни прапорщиков» выступать самостоятельным политическим актором. Роль закулисных «кукловодов» в событиях декабря 1825 г. традиционно доставалась масонам: зародившись в дореволюционной литературе, версия «масонского следа» была подхвачена рядом эмигрантских публицистов и вернулась уже в постсоветский период⁴⁶. В последние годы на эту роль претендует более широкий набор «закулисных сил». Однако, оспаривая конспирологические трактовки этих событий, важно помнить, что речь все же идет об истории реально существовавшей декабристской конспирации, и не впадать в противоположную крайность.

Так, амбициозная попытка петербургского историка Н. Д. Потаповой выступить с тотально-антиконспирологической концепцией де-факто обернулась отрицанием всего предшествующего декабристоведения. Основной постулат ее монографии гласит, что тайных обществ декабристов не существовало: версия о них была сфабрикована на следствии, подобно тому как это происходило на сталинских процессах⁴⁷. По убеждению автора, «...следствие искусственно объединило лиц, находившихся в разных уголках Российской империи и случайно попавших в его поле зрения»⁴⁸. Из «выбитых на следствии показаний» (Н. Д. Потапова настаивает на этой формулировке⁴⁹, хотя достоверных сведений об избияниях подследственных декабристов не обнаружено) эта версия якобы переключалась в сочинения и мемуары декабристов, а затем и в работы декабристоведов. Но если не было тайных обществ, то не могло быть и составленного их участниками военного заговора, а значит, отсутствовало организационное начало в событиях 14 декабря. Под пером Н. Д. Потаповой эти события превращаются то в протест храбрых, но незрелых «несогласных», то в выход на Сенатскую площадь солдат, увлеченных организационно между собой не связанными младшими офицерами, то в хаотическое перемещение толпы — главной силы стихийного возмущения⁵⁰. Автор задает множество вопросов о причинах вооруженного выступления, но не дает на них внятных ответов⁵¹.

⁴⁵ *Бойко В. П.* К вопросу о предательстве и доносительстве в декабристской среде // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (18). С. 166–169; *Болебрух А. Г.* Рец.: Мамсик Т.С. К переосмыслению исторической роли декабристов: И. И. Пушкин и другие... // Проблемы історії України XIX — початку XX ст. Вип. XVI. Київ, 2009. С. 465–470.

⁴⁶ *Башилов Б.* Масоны и заговор декабристов. Буэнос-Айрес, [б. г.]; *Толь С. Д.* Ночные братья: Масонское действо. М., 2000; и др.

⁴⁷ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.

⁴⁸ Там же. С. 393. — Тезис о фабрикации дела декабристов был сформулирован в дебютных публикациях автора и с тех пор не претерпел существенных изменений. См.: *Потапова Н. Д.*: 1) Основания к расследованию деятельности «тайного общества» в конце 1825 г.: фальсификация дела // Проблемы социального и гуманитарного знания. Вып. 1. СПб., 1999. С. 95–127; 2) Что есть истина? Критика следственных показаний и смена исторических парадигм // Исторические записки. 2000. Т. 3 (121). С. 306–329.

⁴⁹ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 164.

⁵⁰ Там же. С. 164–167, 182–186, 188–191.

⁵¹ Там же. С. 165, 182–183, 202–203.

Что же было вместо тайных обществ? «Знакомства и встречи, как обычно бывает в свете, обмен новостями и их обсуждение приобретали новые смыслы во время следствия, светское общество нескольких молодых людей переопределялось в тайное», — утверждает Н. Д. Потапова⁵². Участие «светских молодых людей» в мятеже объясняется с помощью социологического понятия общественных или коллективных «солидарностей», сформировавшихся в канун событий декабря 1825 г. на основе общих «ценностных и смысловых позиций»⁵³. Желание высказаться на политические темы, громко заявить о себе и попасть на страницы европейских газет — вот что двигало людьми, не связанными между собой организационно. Речь, между тем, об эпохе бурного развития разнообразных тайных обществ⁵⁴, тщательно разработанных организационных форм масонства (распространенного в том числе и в России⁵⁵), греческой «Этерии», карбонарских вент в Италии, офицерских заговоров во Франции и Испании и т. п. Почему же автору представляется невероятным объединение в тайные общества русских офицеров и чиновников, происходивших из различных слоев дворянства, служивших в разных полках и учреждениях, живших в разных городах и губерниях? «Горизонтальные связи» этих людей Н. Д. Потапова объясняет исключительно дружеским и светским знакомством, а само понятие «тайное общество» — государственной пропагандой и риторикой консервативной публицистики, вынося за скобки область политической практики. Основным источником политических знаний и моделей поведения (а значит, и «солидарностей») декабристов выступают иностранные, и в первую очередь почему-то английские, газеты⁵⁶. Сочинения политических мыслителей, правоведов, экономистов, публицистов эпохи Просвещения и начала XIX в., на которые в своих показаниях ссылались подследственные, по воле автора отходят на второй план.

Ради обоснования своей концепции Н. Д. Потапова объявляет недостоверными и ненужными, а то и просто игнорирует целые категории исторических источников: документы декабристской конспирации — уставы, программы, клятвенные обещания и пр.; доносы (в том числе поступившие от членов тайных обществ); письма декабристов и их окружения, написанные как до, так и после декабря 1825 г.; позднейшие сочинения и мемуары. Избирательно она подходит и к следственным показаниям декабристов. Подобно советским историкам, доверявшим преимущественно радикальным заявлениям подследственных (П. И. Пестеля и др.), Н. Д. Потапова некритически воспринимает любое отрицание в условиях следствия. Но полное или частичное отрицание — распространенная стратегия защиты подследственных. К тому же вопреки постулату автора о тотальной фабрикации дел имеется немало примеров того, как подследственные, последовательно не признававшие свою вину, не подводились под заранее сфабрикованные приговоры, а освобождались с «очистительными аттестатами»⁵⁷. Тенденциозность, определенная задан-

⁵² Там же. С. 274.

⁵³ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. С. 12, 39–40.

⁵⁴ См.: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003; Андреева Т. В. Тайные общества... С. 241–369.

⁵⁵ См.: Серков А. И. История русского масонства XIX столетия. СПб., 2000.

⁵⁶ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. С. 18–20, 23, 30, 221 и др.

⁵⁷ Ильин П. В. Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Русская история и историческая мысль XIX–XX вв. СПб., 2006. С. 185–195.

ность следствия над декабристами давно привлекают внимание исследователей, но в данном случае автор поставил перед собой цель — доказать тотальную инсценировку всего следственного дела.

Полагаем, что антиконспирологическая концепция Н. Д. Потаповой появилась как отрицательная реакция, с одной стороны, на дискурс советской историографии о последовательно-революционном характере движения декабристов и, с другой — на современные конспирологические теории. Интерес она представляет в первую очередь как своеобразная примета нашего переходного (во многих смыслах) и противоречивого времени, почему, вероятно, и заслужила у специалистов отзывы разной степени критичности и ни одного положительного⁵⁸.

Итак, мы рассмотрели дискуссии, ведущиеся в современном декабристоведении по ряду ключевых для него вопросов: о круге претендентов на российский престол; о позиции Милорадовича, «генеральской оппозиции» или «заговоре генералитета»; о том, в чьих интересах возникла эта оппозиция или заговор — царевича Константина или императрицы Марии Федоровны; о статусе и роли декабристской конспирации — была ли она самостоятельной, самодостаточной или зависела от неких внешних сил. Этот ряд может и, очевидно, должен быть продолжен вопросами о том, было ли петербургское восстание 1825 г. закономерным следствием эволюции тайных обществ или результатом стечения чрезвычайных обстоятельств; об индивидуальных стратегиях важнейших «действователей» мятежного декабря — К. Ф. Рылеева, С. П. Трубецкого, А. И. Якубовича, В. И. Штейнгейля и др.; о цели и значении визита Я. И. Ростовцева к великому князю Николаю 12 декабря. По этим вопросам на страницах декабристоведческих работ также сталкиваются различные, нередко противоположные, мнения. Но сделать полноценный обзор всех современных дискуссий о петербургских событиях 1825 г. в рамках одной статьи едва ли возможно.

Мы также не стремились непременно «вынести резолюции» по поводу каждой из концепций, гипотез и точек зрения, представленных в настоящем обзоре. Попытаться понять, проследить путь, которым тот или иной автор пришел к своим умозаключениям, оказывается порой гораздо интереснее и продуктивнее. Необходимо отметить, что логические построения, основанные на череде не подкрепленных источниками предположений или игнорирующие целые категории источников, противоречат принципам научного исторического познания даже в тех случаях, когда они опубликованы в академических и университетских изданиях.

Круг участников рассмотренных здесь дискуссий не ограничен формальными представителями исторического цеха, поскольку в новейший период непрофессиональные историки также выступили авторами оригинальных трактовок междуцарствия и восстания декабристов. При этом качество формулируемых концепций отнюдь не обязательно обусловлено наличием у их авторов профильных дипломов и ученых степеней. Как было показано выше, определяющий вектор осмысления

⁵⁸ Эдельман О. Рец. на: Н. Д. Потапова. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 416 с. // *История. Научное обозрение* OSTKRAFT. № 4. М., 2018. С. 82–91; Гордин Я. А. Новое декабристоведение... С. 183–192; Белоусов М. С. Споры о трибунах сырых казематов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 1158–1171; Соколова Н. А., Лебедева Е. Ю. Спор о навязанных и сочиненных версиях // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65, вып. 4. С. 1302–1325.

междущарствия и восстания 1825 г. в современной историографии был задан книгой Я. А. Гордина, и в то же время часть конспирологических по своему характеру версий тех событий оказалась выдвинута профессиональными историками. Тем, вероятно, сложнее отделить документально подтвержденные, аргументированные научные трактовки от произвольных предположений, а подлинные открытия — от необоснованных сенсаций. Однако эта же ситуация внушает определенный оптимизм, свидетельствуя, что декабристская тема вновь обрела устойчивый не только профессиональный, но и общественный интерес.

References

- Andreeva T. V. *Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 912 p. (In Russian)
- Bartoshevich V. V. The Adventures of M. M. Safonov with the Constantine Ruble continue! *Novyi chasovoi*, 1999, no. 8–9, pp. 480–484. (In Russian)
- Bashilov B. *The Masons and the Conspiracy of the Decembrists*. Buenos Aires, Rus' Publ., undated, 88 p. (In Russian)
- Belousov M. S. Disputes about Speaking from their Cells. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 3, pp. 1158–1171. (In Russian)
- Boiko V. P. On the question of Betrayal and Informers in the Decembrist Environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. Istorii*, 2012, no. 2 (18), pp. 166–169.
- Bokova V. M. *The Epoch of Secret Societies: Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century*. Moscow, Reali-Press Publ., 2003, 656 p. (In Russian)
- Bokova V. M. “The Patient is more likely alive than dead”: Notes on Russian Decembrists Studies of the 1990s. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriofografiia. Bibliografiia*. Kishinev, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2001, iss. IV, pp. 497–561. (In Russian)
- Bolebrukh A. G. Review: Mamsik T. S. To rethink the historical role of the Decembrists: I. Y. Pushchin and others... *Problemi istorii Ukraini XIX — pochatku XX st.* Kiev, 2009, iss. XVI, pp. 465–470. (In Ukrainian)
- Briukhanov V. A. *Myths about the Decembrist Uprising*. Moscow, Iauza Publ., 2019, 512 p. (In Russian)
- Briukhanov V. A. *Myths and Truth about the Decembrist Uprising*. Moscow, Iauza, Eksmo Publ., 2005, 640 p. (In Russian)
- Briukhanov V. A. *The Conspiracy of Count Miloradovich*. Moscow, AST, Astrel', Ermak Publ., 2004, 415 p. (In Russian)
- Bushkov A. *Russia, which was not. Guards Centenary*. Moscow, Abris Publ., 2017, 432 p. (In Russian)
- Edelman O. Review: N. D. Potapova. Speaking from their Cells: Discourse and Political Strategies of the Decembrists. St. Petersburg, EUSP Press, 2017, 416 p. *Istorii. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*, 2018, no. 4, pp. 82–91. (In Russian)
- Eidelman N. Ia. A New Look at the Events of December 14, 1825. *Voprosy istorii*, 1988, no. 9, pp. 146–148. (In Russian)
- Eidelman N. Ia. *The edge of the ages. Political struggle in Russia. Late XVIII — early XIX century*. Moscow, Mysl' Publ., 1986, 368 p. (In Russian)
- Fedorov V. A. *Decembrists and their Time*. Moscow, Moscow University Press, 1992, 272 p. (In Russian)
- Gordin Ia. A. *Events and People on December 14: Chronicle*. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1985, 285 p. (In Russian)
- Gordin Ia. A. Former Historian in Search of Truth. *Zvezda*, 2016, no. 1, pp. 195–219. (In Russian)
- Gordin Ia. A. New Decembrist studies — the Technology of “Destroying Myths”. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2019, no. 2, pp. 178–194. (In Russian)
- Gordin Ia. A. *Revolt of the Reformers. December 14, 1825*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 395 p. (In Russian)
- Gordin Ia. A. *The Decembrists. Revolt of the Reformers*. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2021, 624 p. (In Russian)

- Gordin Ia. A. The Paradoxes of Professionalism. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriografiia. Bibliografiia*. Iss. IV. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2004, pp. 425–436. (In Russian)
- Gordin Ia. A. *Revolt of the Reformers*. Vols. 1–2. St. Petersburg, Pushkin Foundation Publ., 2006, 288 p.; 224 p. (In Russian)
- Gotovtseva A. G. Russian-American Company in the Plans of the Decembrists. To the Biography of K. F. Ryleev. *Rossii XXI*, 2009, no. 2, pp. 158–194. (In Russian)
- Gotovtseva A. G., Kiianskaia O. I. The Decembrist Movement in State Propaganda 1825–1826. *Dekabristy: Aktual'nye problemy i novye podhody*. Moscow, RGGU Press, 2008, pp. 447–493. (In Russian)
- Gotovtseva A. G., Kiianskaia O. I. *The Governor of Affairs: On the History of Literary, Financial and Conspiratorial Activities of K. F. Ryleev*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, 284 p. (In Russian)
- Gotovtseva A. G., Kiianskaia O. I. *Ryleev*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2013, 350 p. (In Russian)
- Ilyin P. V. Those who Deceived the Investigation: to Study the Methods and Techniques of Defending the Accused at the Trial of the Decembrists in 1825–1826. *Russkaia istoriia i istoricheskaia mysl' XIX–XX vv*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2006, pp. 185–195 (In Russian)
- Kaz'mirchuk G. D., Latish Yu. V. Debatable Issues of the Decembrist Movement in Post-Soviet Historiography. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. Istoriia, 2013, no. 2 (5), pp. 77–86. (In Russian)
- Kaz'mirchuk G. D., Latish Yu. V. The Decembrist Movement: Debatable Issues and an Attempt to Solve them (to the 180th anniversary of the Decembrist uprising). *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*, 2005, no. 6, pp. 50–65. (In Ukrainian)
- Kiianskaia O. I. Decembrists in Russian History and Historiography: Polemical Notes. *Rossii i sovremnyi mir*, 2017, no. 2 (95), pp. 42–56. (In Russian)
- Kiianskaia O. I. *Essays from the History of the Social Movement in Russia During the Reign of Alexander I*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2008, 302 p. (In Russian)
- Kiianskaia O. I. “I know the XIX century as my apartment”. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2015, no. 4 (5), pp. 210–215. (In Russian)
- Kiianskaia O. I. Pestel at the Inquest. *Rossii XXI*, 2007, no. 1, pp. 162–196. (In Russian)
- Kiianskaia O. I. *Southern Society of Decembrists: People and Events: Essays on the History of Secret Societies in the 1820s*. Moscow, RGGU Press, 2005, 443 p. (In Russian)
- Kiianskaia O. I. The Decembrist Movement. View from the XXI century. *Dekabristi v Ukraini: doslidzhennia i materialy*. Kiev, Tsybalenko I. S. Publ., 2009, vol. 6, pp. 71–81. (In Russian)
- Mamsik T. S. New Reading of Famous Texts: the Decembrist I. I. Pushchin and Others. *Chelovek — tekst — epoha*. Tomsk, Tomsk University Press, 2011, iss. 4, pp. 38–63. (In Russian)
- Mamsik T. S. Poems “Gavriiliada” and “Count Nulin” by A. S. Pushkin: texts-keys to the “incident” of 1825. *Chelovek — tekst — epoha*. Tomsk, Tomsk University Press, 2006, iss. 2, pp. 172–196. (In Russian)
- Mamsik T. S. To Rethink the Historical Role of the Decembrists: I. I. Pushchin and Others... *Problemi istorii Ukraini XIX — pochatku XX st.* Kiev, Institute of History of Ukraine, 2007, iss. XIV, pp. 21–40. (In Russian)
- Mironenko S. V. *Alexander I and the Decembrists. Russia in the first quarter of the nineteenth century. The choice of the way*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2016, 400 p. (In Russian)
- Mironenko S. V. *Pages of the Secret History of Autocracy: the Political History of Russia at the Beginning of the XIX Century*. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 235 p. (In Russian)
- Nechkina M. V. *December 14, 1825*. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 256 p. (In Russian)
- Potapova N. D. Grounds for the Investigation of the “Secret Society” at the end of 1825: Falsification of the Case. *Problemy sotsial'nogo i gumanitarnogo znaniia*. Iss. 1. St. Petersburg, [s. n.], 1999, pp. 95–127. (In Russian)
- Potapova N. D. *Speaking from their Cells: Discourse and Political Strategies of the Decembrists*. St. Petersburg, EUSP Press, 2017, 416 p. (In Russian)
- Potapova N. D. What is Truth? Criticism of Investigative Evidence and Changing Historical Paradigms. *Istoricheskie zapiski*, 2000, vol. 3 (121), pp. 306–329. (In Russian)
- Presniakov A. E. *December 14, 1825*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izd-vo Publ., 1926, 226 p. (In Russian)

- Rabkina N. A. To the Modern Reading of the Decembrists. Problems and Trends. *Istoriia SSSR*, 1988, no. 3, pp. 80–93. (In Russian)
- Safonov M. M. December 14. “Journey of a Dilettante” (Plan of the Uprising of December 14, 1825 in Soviet Historiography). *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 275–294. (In Russian)
- Safonov M. M. December 14, 1825 as the Culmination of the Interregnum. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriografiia. Bibliografiia*. St. Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriia Publ., 2001, iss. IV, pp. 62–89. (In Russian)
- Safonov M. M. Constantine Ruble and the “German Party”. *Srednevekovaiia i novaia Rossiia*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, pp. 529–541. (In Russian)
- Safonov M. M. Constantine Ruble? December 14, 1825 through the Eyes of a Numismatist. *Rodina*, 1999, no. 4, pp. 54–57. (In Russian)
- Safonov M. M. “Iakub is Coming”: A. I. Iakubovich on the Day of December 14, 1825. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriografiia. Bibliografiia*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2004, iss. VI, pp. 234–290. (In Russian)
- Safonov M. M. Interregnum. *Dom Romanovykh v istorii Rossii*. St. Petersburg, 1995, pp. 166–181. (In Russian)
- Safonov M. M. M. A. Miloradovich, A. Kh. Benkendorf, A. F. Orlov and the Horse Guards Regiment, December 14, 1825. *Dekabristy v Peterburge. Novye materialy i issledovaniia*. St. Petersburg, 2009, pp. 235–271. (In Russian)
- Safonov M. The Adjutant’s Demarche. Did the Lieutenant of Rostov Betray the Decembrists or Help them? *Rodina*, 2001, no. 7, pp. 47–52. (In Russian)
- Safonov M. The Death of the Russian Bayard. *Rodina*, 2011, no. 7, pp. 101–103. (In Russian)
- Sevastianov F. L. Ia. I. Rostovtsev and Grand Duke Nikolai Pavlovich December 12, 1825. *Otechestvennaia istoriia*, 2002, no. 6, pp. 175–181 (In Russian)
- Serkov A. I. *History of Russian Freemasonry of the XIX century*. St. Petersburg, Izd-vo im. N. I. Novikova Publ., 2000, 400 p. (In Russian)
- Sheshin A. B. Did K. F. Ryleev fulfill the instructions of Prince A. N. Golitsyn and did he intend to take the Imperial family to Fort Ross in California? (about the book by A. G. Gotovtseva and O. I. Kiiianskaia «The Ruler of Affairs»). *Dekabristy. Aktualnye napravleniia issledovaniia*, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, pp. 410–466. (In Russian)
- Shkerin V. A. *Decembrists in Public Service in the Era of Nicholas I*. Ekaterinburg, UB RAS Press, 2008, 392 p. (In Russian)
- Sokolova N. A., Lebedeva Ek. Yu. Disputes about the imposed and made-up versions. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 4, pp. 1302–1325. (In Russian)
- Toll S. D. *Night Brothers: a Masonic Event*. Moscow, Moskva Publ., 2000. 374 p. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Emperor Nicholas I: a Man and a Sovereign*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2001, 644 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 августа 2020 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Received: August 17, 2020

Accepted: March 12, 2021